

ДИСКУРС НЕИСКРЕННОСТИ

DOI 10.37386/2305-4077-2020-4-214-230

А. В. Колмогорова¹

Сибирский федеральный университет

Ю. О. Стаценко²

Сибирский федеральный университет

ВЕРБАЛЬНЫЕ И НЕВЕРБАЛЬНЫЕ МАРКЕРЫ НЕИСКРЕННОСТИ В УСТНОМ ДИСКУРСЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ИСПАНСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ

В статье описываются основные вербальные и невербальные маркеры неискренности в устном дискурсе носителей испанской лингвокультуры. В ходе экспериментальной части работы было выявлено, что в процессе воспроизведения ложной информации информанты жестикулировали и совершали мимические движения чаще, чем во время произнесения высказываний, которые они считали «правдивыми», кроме того, жестикуляция в этом случае проявлялась с большей экспрессивностью. В неискреннем дискурсе информанты чаще изменяли порядок слов или же совершали лексические замены. Отмечено также значительное увеличение длительности взгляда на собеседника в случае воспроизведения информантами заведомо ложного высказывания. Результаты исследования дают основания для формулирования предварительной гипотезы о том, что неискренняя коммуникация имеет свои доступные наблюдению и фиксации вербальные и невербальные маркеры, дальнейшее изучение которых будет способствовать развитию методик атрибуции высказываний и отдельных коммуникативных фрагментов к классам «искренних» или «неискренних».

Ключевые слова: неискренний дискурс, вербальные маркеры неискренности, невербальные маркеры неискренности, устный дискурс, испанская лингвокультура.

A. V. Kolmogorova

Siberian Federal University

Y. O. Statsenko

Siberian Federal University

VERBAL AND NON-VERBAL MARKERS OF INSINCERITY IN THE ORAL DISCOURSE OF REPRESENTATIVES OF SPANISH LINGUISTIC CULTURE

The article describes the main verbal and non-verbal markers of insincerity in the oral discourse of representatives of Spanish linguistic culture. In the experimental part of the work it was revealed that the informants gestured and made facial movements more frequently when they reproduced the false information in comparison with the cases where the speakers read the text which they considered «truthful»; in addition to this, gestures were manifested more intensively in

¹ Анастасия Владимировна Колмогорова, доктор филологических наук, профессор кафедры романских языков и прикладной лингвистики Сибирского федерального университета (Красноярск). akolmogorova@sfu-kras.ru.

² Юлия Олеговна Стаценко, студент кафедры романских языков и прикладной лингвистики Сибирского федерального университета (Красноярск). yulya.statsenko.99@mail.ru.

this case. In insincere discourse, informants also often changed the word order or made different lexical changes. Furthermore, a significant increase in the duration of the gaze at the interlocutor was also noticed during the informants' reproduction of the false statements. These results of the research provide grounds for formulating a preliminary hypothesis that insincere communication has its own verbal and non-verbal markers which are accessible to observation and fixation, and further study in this sphere will contribute to the development of methods of attribution of statements and individual communicative fragments of «sincere» or «insincere» discourse.

Keywords: the insincere discourse, verbal markers of insincerity, non-verbal markers of insincerity, the oral discourse, Spanish linguistic culture.

Введение

Современная корпусная и компьютерная лингвистика обладают значительным репертуаром технологий, алгоритмов и инструментов обработки языковых данных для выявления статистически релевантных тенденций в анализируемом речевом / языковом материале. Последние приобретают особую ценность, если предпринять попытку их анализа как части синхронного процесса, в который оказываются интегрированы, кроме речевой деятельности, различные когнитивные и психологические функции. Подобный интеграционистский подход уже успешно апробирован, например, в рамках технологии окуломоторного анализа (айтрекинга), в рамках которого аргументом принимается утверждение о том, что окуломоторная активность человека протекает параллельно с такими когнитивными процессами, как обработка зрительного сигнала и понимание текста [Машанло, 2019]. Опыт работы научного коллектива Лаборатории прикладной лингвистики и когнитивных исследований ИФиЯК СФУ показывает, что методы компьютерного и корпусного анализа речевой (текстовой) продукции могут также пролить свет на скрытые от непосредственного наблюдения процессы, как то: манипулятивное воздействие на собеседника [Горностаева, 2018b]; эмоции, испытываемые человеком в момент продуцирования или рецепции интернет-текста [Kolmogorova, 2018]; когнитивное взаимодействие в паре переводчиков-синхронистов [Чистова, 2019]; в процессе имплицитного социального научения, организуемого матерью в общении с ребенком [Варламова, 2018] и т. д.

В исследовании, которому посвящена данная публикация, ставится задача выявления вербальных и невербальных маркеров неискренности. Для ее решения используется метод эксперимента с носителями испанского языка, результаты которого обрабатываются при помощи программного обеспечения Elan.

Исследовательский вопрос, находящийся в фокусе работы и отражающий основную ее проблему, может быть сформулирован следующим образом: меняется ли коммуникативное поведение носителя языка в случае, когда он сознательно сообщает собеседнику ложную информацию, входя таким образом в зону неискренней коммуникации? Есть ли доступные для наблюдения и фиксации вербальные и невербальные признаки таких изменений?

Таким образом, целью публикации является обсуждение полученных в результате обработки экспериментальных данных вербальных и невербальных маркеров неискренности, манифестируемых испанофонами в устной речи.

Новизна исследования связана с двумя аспектами. Во-первых, проблема вербальных и паравербальных проявлений манипулирования и даже актерского перевоплощения в речевом и коммуникативном поведении личности достаточно хорошо изучена в лингвистике. В этом контексте следует упомянуть работы по манипуляции и контрманипуляции в дискурсе СМИ Екатеринбургской и Красноярской школ политической лингвистики [Руженцева, 2016; Копнина, 2018], а также ряд исследований, направленных на изучение игровых техник, используемых речевой / языковой личностью в рамках своей профессиональной деятельности: например, в контексте актерского перевоплощения [Косинова, 2013] или публичной деятельности политика [Колмогорова, 2015]. Однако, как показывает анализ научной литературы, повседневная коммуникация рядовых носителей языка, рассматриваемая в оппозиции «искренность – неискренность» еще не становилась объектом лингвистического исследования. Во-вторых, в коммуникативно-когнитивных исследованиях последних лет сложилась традиция мультимодального анализа, стремящегося «увидеть многообразие процессов, вовлеченных в естественную человеческую коммуникацию» [Кибрик, 2016, с. 675]. В рамках данной парадигмы широко используется программное обеспечение, позволяющее фиксировать наряду с речью жесты, вокализации, мимические движения [Kibrik, 2018]. Но необходимо отметить, что среди работ, выполненных в рамках указанной парадигмы, пока отсутствуют исследования, посвященные мультимодальному анализу коммуникативной ситуации «сообщение ложной информации».

В последующих частях статьи мы последовательно рассмотрим теоретические понятия неискренного дискурса и вербального маркера; уточним условия проведения эксперимента и методы обработки его результатов; проанализируем специфику вербального и невербального поведения участников эксперимента в ситуации сообщения верной и ложной информации; сделаем выводы и обозначим ближайшие перспективы работы.

Теоретический базис работы

Ключевыми понятиями для данного исследования являются понятия «неискренний дискурс», «вербальный маркер» и «невербальный маркер».

Лингвисты, работающие с оппозициями правда / неправда, истина / ложь апеллируют преимущественно к гиперонимичному понятию «неискренность», так как оно не несет в себе тех негативных коннотаций, которые свойственны таким его гипонимам, как «ложь», «обман», «неправда».

Категорию неискренности можно отнести к коммуникативным категориям, так как она проявляется только в процессе общения: «Неискренность – это коммуникативная категория, содержанием которой является намеренное выражение ложных (неистинных) пропозиций» [Андрюхина, 2019, с. 41]. Главной целью неискренной коммуникации является манипулирование реципиентом в нужном адресанту направлении.

Вслед за С. Н. Плотниковой, в данном исследовании, мы трактуем неискренность, как «осознанную деструктивную стратегию языковой личности, основанную на выражении особого личностного смысла, суть которого состоит в замене истинных пропозиций на ложные» [Плотникова, 2000, с. 25]. В определении подчеркивается активная позиция говорящего, который строит свою речь таким образом, чтобы специально выдать ложную информацию за правдивую, следовательно, говорящий намеренно пользуется различными стратегиями замены истинных высказываний ложными. Эти когнитивные усилия не могут не «выдавать себя» на уровне вербальных и невербальных манифестаций – маркеров.

Следует отметить, что в современной лингвистике широко обсуждается содержание терминообразования «вербальный маркер». Так, Ю. А. Горностаева считает, что вербальный маркер – это «вычленяемая, подлежащая формализации и дальнейшей параметризации языковая единица, указывающая на присутствие в тексте некоторого более сложного, неподдающегося параметризации явления. При этом общая для всех типов маркеров функция – появляться в тех же контекстах, что и некое искомое исследователями явление» [Горностаева 2018а, с. 94]. А. В. Колмогорова даёт расширенное определение: «вербальный маркер – это единица или дискретная структура одного из уровней языковой системы, в ряде случаев поддающаяся параметризации, появление которой а) само по себе или б) в совокупности с другими релевантными единицами и / или в) с определенной частотностью в сегменте речи / тексте косвенно указывает на некоторые сложные недоступные непосредственному наблюдению процессы, феномены, фундированные в когнитивной деятельности, психической жизни продуцента речи / текста, способные при определенных условиях «запускать» аналогичные процессы во внутреннем мире реципиента речи / дискурса» [Колмогорова, 2019, с. 49].

В нашей работе мы рассматривали в качестве вербальных маркеров неискренности вербальные парафазии или ошибки в словах, допускавшиеся информантами во второй части эксперимента при чтении текста, содержавшего заведомо ложную информацию. Подробнее эти маркеры будут рассмотрены в разделе «результаты исследования».

Что касается невербальных маркеров, то в исследовании А. В. Маликовой они определяются как «визуальные единицы или признаки, самостоятельно и/или в совокупности с другими единицами и/или с определенной частотностью присутствующие в тексте, указывающие на наличие в тексте некоего сложного, не поддающегося параметризации явления» [Маликова, 2019, с. 39]. В проведенном нами исследовании такими визуальными признаками оказались жесты и мимика участников эксперимента.

Материал и методы

Исследование было проведено на материале 40 записанных видео (20 видео с искренним дискурсом, 20 видео с неискренним). Длительность каждого видео составляет 60–90 секунд. Для решения поставленных исследовательских задач были

использованы методы: метод психолингвистического эксперимента, сравнительно-сопоставительный метод, элементы статистического анализа, мультимодальный анализ дискурса при помощи программного пакета Epan 5.3.

Выборка респондентов состояла из 20 человек (10 из них – девушки и 10 – юноши, при этом средний возраст всех испытуемых составляет 20–28 лет). Большинство респондентов – студенты факультета филологии и философии Университета г. Кадиса (Испания), несколько человек изучают историю и право в том же учебном заведении. Видео длительностью от 55 секунд до 1.5 минуты (в зависимости от темпа речи участников) были сняты на камеру мобильного телефона в помещении университета.

Эксперимент состоял из следующих этапов:

1. На первом этапе мы выбрали небольшой текст, который был отредактирован с учетом гендерных особенностей говорящего (выбор личных местоимений). Текст был распечатан на листе бумаги.

2. Участникам эксперимента было предложено ознакомиться с данным текстом.

3. Затем мы попросили их прочитать этот текст вслух, уточнив, что все, что в нем написано – правда. Информантам-девушкам была дана следующая инструкция: *Aquí hay una historia de María, que habla sobre su pasatiempo favorito. Imagina que tú eres esta chica y quieres convencer a tu amigo nuevo que te gusta leer mucho. Lee este texto con entonación por favor. Si quieres puedes usar los gestos.*

Перевод: «Здесь представлена история Марии, которая рассказывает про ее любимое хобби. Представьте себя на ее месте и постарайтесь убедить своего нового друга, что вы очень любите читать. Прочитайте эту историю с интонацией, если хотите, можете использовать жесты».

Информанты-юноши получили аналогичную инструкцию за тем лишь исключением, что им предлагалось поставить себя на место юноши по имени Антонио.

Затем производилась видеозапись этого чтения.

4. После первого прочтения текста участникам выдавался второй бланк с этим же текстом только с видеоизмененной инструкцией, где также предлагалось прочитать текст, представив себя на месте героя монолога, только при этом участнику сообщалось, что вся информация в тексте является неправдой. Соответственно, читающему необходимо было убедить слушателя с помощью жестов, мимики или интонации в правдивости той информации, которую он заведомо считает ложной. Чтение со второй инструкцией также фиксировалось при помощи видеозаписи в тех же технических условиях.

5. Позже, на третьем этапе, на основе данного видео-материала был проведен анализ искреннего (далее – ИД) и неискреннего дискурса (далее – НД) участников с помощью программы Epan для разметки видео. Она позволяет добавлять аннотации в используемый аудио- и видеоматериал, создавая многоуровневую лингвистическую разметку. Данная программа была разработана в НИИ Психолингвистики имени

Макса Планка в Неймегене в Голландии, и изначально она предназначалась для архивирования записей языков, находящихся под угрозой исчезновения, в рамках проектов Фонда Фольксвагена [Рыко, 2008, с. 462]. С помощью данной программы для многоуровневой лингвистической разметки ученые исследуют живую речь разных групп населения, изучая дискурс говорящего в зависимости от цели самого исследования. Elan позволяет создавать собственные уровневые разметки для видеоматериала, поэтому тематика проектов и детали, на которые обращают внимание исследователи, могут варьироваться. Однако все лингвистические исследования, проведенные с помощью данной программы, объединены общей целью – исследовать живую речь. Работа в программе Elan помогает зафиксировать важные для наблюдателя характеристики на разных уровнях анализа. Например, для того чтобы выявить маркеры неискреннего дискурса на основе сравнительного анализа с искренним, потребовалось выделить три «слоя» аннотаций: жесты и мимика, вербальные признаки лжи (в наших видео они были изначально отмечены как «слова») и длительность пауз.

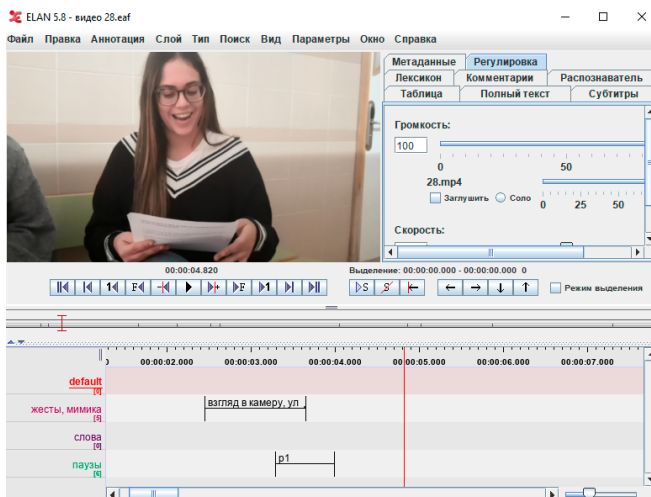

Рисунок 1. Фрагмент послойной разметки видео в интерфейсе Elan

В ходе аннотирования в программе отмечались основные вербальные и невербальные характеристики дискурса информантов (пример фрагмента послойной разметки представлен на рис. 1). К вербальным относились: пропуски слов, ошибочное их произнесение, изменения их порядка и случаи полной замены некоторых лексических единиц, присутствующих в тексте, на свои собственные (синонимичные, похожие по звуковой форме). Что касается невербальных признаков, на каждом видео нами были отмечены жесты, мимические движения, длительность взгляда в камеру. Одним из параметров сравнения выступило паузирование: были зафиксированы несколько самых длинных пауз в видео с ИД, и затем в видео с НД была измерена длительность пауз в тех же местах, что и в ИД.

6. После того, как разметчик сделал все необходимые наблюдения на данных уровнях (слоях), зафиксировав их в виде аннотаций, с помощью программы Elap были сформированы автоматические таблицы, в которых были отражены все аннотации, соотнесенные с временными данными о начале аннотированного действия, его продолжительности и времени окончания, а также о связи (наложении, перекрытии, следовании или предшествовании) аннотированного действия / признака с другими действиями / признаками, также указанными разметчиком в других «слоях». Это позволило сравнить вербальные и невербальные характеристики у каждого информанта в случае ИД и НД. Для валидации полученных результатов были применены элементы статистического анализа.

Гипотеза исследования была сформулирована следующим образом: если представить ряд предварительно выявленных при сравнении ИД и НД вербальных и невербальных маркеров неискренности в качестве переменных, то отличия в их значениях будут являться слабым доказательством наличия специфических проявлений неискренности в речи, а значимые с точки зрения статистических мер отличия – сильным доказательством.

В качестве переменных были выбраны следующие 4:

- 1) длительность пауз;
- 2) количество жестовых и мимических движений;
- 3) ошибки в произнесении слов или их замена (вербальные парафазии);
- 4) длительность взгляда в камеру.

Для обоснования релевантности различий, выявленных при сравнении значений переменных, в исследовании использовались такие методы статистического анализа, как показатель стандартного отклонения и двухвыборочный t-критерий Стьюдента.

Стандартное отклонение – это мера количества вариации множества значений. Низкое стандартное отклонение указывает на то, что значения близки к среднему (также это называется ожидаемое значение) множества, в то время как высокое стандартное отклонение указывает на то, что значения разбросаны в более широком диапазоне [Cramer, 1985, с. 212].

Мы опирались на значения стандартного отклонения в группах значений 4-х переменных по ИД и НД исходя из следующей предпосылки: чем ниже показатель стандартного отклонения в выборке данных, тем ближе отдельные значения выборки друг к другу, следовательно, тем более сильна тенденция, показываемая этой группой данных.

Наряду с показателем стандартного отклонения был использован двухвыборочный t-критерий Стьюдента – статистическая мера, которая позволяет обнаружить, являются ли отличия, обнаруживаемые при сравнении двух групп данных, статистически значимыми. Чаще всего t-критерий применяется для проверки равенства средних значений в двух выборках.

Результаты и обсуждение

Рассмотрим последовательно значения указанных выше 4 переменных в ИД и в НД.

1. Переменная «длительность пауз»

Для начала, в каждом видео ИД разметчиком были выделены самые длинные паузы между словами, затем в этих же местах отмечались паузы в видео НД, где участник читал текст, зная, что это ложь. В таблице 1 представлены данные в их сопоставлении.

Таблица 1

Длительность пауз (искренний/ неискренний дискурс). Юноши

(Р – пауза (в секундах), ИД – искренний дискурс, НД – неискренний дискурс, СО – стандартное отклонение)

Паузы	Пауза 1		Пауза 2		Пауза 3	
	ИД	НД	ИД	НД	ИД	НД
Участники / Тип дискурса	ИД	НД	ИД	НД	ИД	НД
№ 1	0.37	0.4	0.51	0.43	0.53	0.4
№ 2	0.73	0.88	1.18	0.881	1.01	0.857
№ 3	0.98	1.11	1.27	1.75	0.61	0.63
№ 4	0.91	0.89	0.95	0.81	0.78	0.82
№ 5	1.0	1.29	0.92	0.63	1.37	0.98
№ 6	0.81	0.5	0.78	0.88	0.89	0.29
№ 7	0.99	0.95	1.02	1.01	1.8	0.73
№ 8	1.1	0.72	0.99	1.02	0.92	0.84
№ 9	0.92	0.89	0.99	1.33	0.9	0.83
№ 10	0.65	0.83	0.48	0.31	1.18	1.07
СО	0.22	0.26	0.25	0.39	0.35	0.23

Исходя из данных таблицы 1, мы можем заметить, что длительность пауз в ситуациях неискреннего дискурса у юношей (по сравнению с искренним) увеличивалась в редких случаях: например, у участника № 3 все паузы стали длиннее. Но в целом, можно заметить тенденцию к сокращению длительности пауз: например, у участника № 7 все паузы были сокращены, а у участников № 1, № 2, № 4, № 5, № 6, № 8, № 9 и № 10 в НД одна из пауз увеличивалась, а две сокращались. При анализе значений стандартного отклонения замечаем, что данные о длительности двух первых пауз в искреннем дискурсе имеют более низкие значения СО (0.22, 0.25), чем, например, значения по этим же паузам в неискреннем дискурсе (0.26 и 0.39), что свидетельствует о том, что в искреннем дискурсе эти данные более однородны – длительность паузирования у всех информантов очень похожа, а вот в неискреннем дискурсе данные уже обладают меньшей однородностью – информанты паузируют, демонстрируя большие различия между собой. Однако в паузе № 3 значение СО в НД значительно ниже, чем в ИД. Это связано с тем, что

подавляющее большинство информантов сократили длительность этой паузы в НД по сравнению с ИД – данные стали более однородны. Интерпретировать данную специфику считаем необходимым следующим образом: по мере выполнения задания с НД информантам удалось выработать некоторую стратегию коммуникативного поведения в изменившихся экспериментальных условиях, что и привело к общей стабилизации данных.

Что касается длительности пауз у девушек, анализ данных таблицы 2 показал, что длительность пауз полностью сократилась у участников № 1, № 2, № 3, № 4, № 6, № 7, № 9; у участников № 5, № 8 две паузы из трех увеличились, а одна сократилась, и у участника № 10 пауза увеличилась лишь в одном случае из трех.

Таблица 2

Длительность пауз (искренний/ неискренний дискурс). Девушки

(Р – пауза (в секундах), ИД – искренний дискурс, НД – неискренний дискурс, СО – стандартное отклонение)

Паузы	Пауза 1		Пауза 2		Пауза 3	
	ИД	НД	ИД	НД	ИД	НД
Участники / Тип дискурса						
№ 1	0.8	0.77	1.81	1.22	0.92	0.73
№ 2	0.99	0.75	0.71	0.48	1.01	1.0
№ 3	0.8	0.41	0.89	0.64	1.22	0.8
№ 4	0.71	0.51	1.12	0.74	0.73	0.48
№ 5	0.81	0.91	0.79	0.81	0.97	0.6
№ 6	0.56	0.29	0.53	0.42	0.84	0.57
№ 7	0.98	0.66	0.84	0.79	0.79	0.49
№ 8	0.61	1.79	1.35	0.9	0.63	0.94
№ 9	0.89	0.47	0.7	0.4	0.73	0.69
№ 10	0.71	0.57	0.71	0.77	0.65	0.64
СО	0.14	0.42	0.36	0.30	0.18	0.17

Что касается стандартного отклонения, то у девушек ситуация несколько иная, чем у юношей: для пауз 2 и 3 в ИД значение стандартного отклонения выше, чем в НД. Это означает, что, в целом, в искреннем дискурсе паузирование было более вариативным, чем в неискреннем, хотя самое низкое значение среди всех трех пауз все-таки находим в ИД (пауза № 1 – 0,14). Считаем, что специфика первой паузы, возможно, связана с тем, что информантки восприняли сначала данное экспериментальное задание как типовое чтение текста, поэтому действовали достаточно стандартно (пауза чуть меньше секунды).

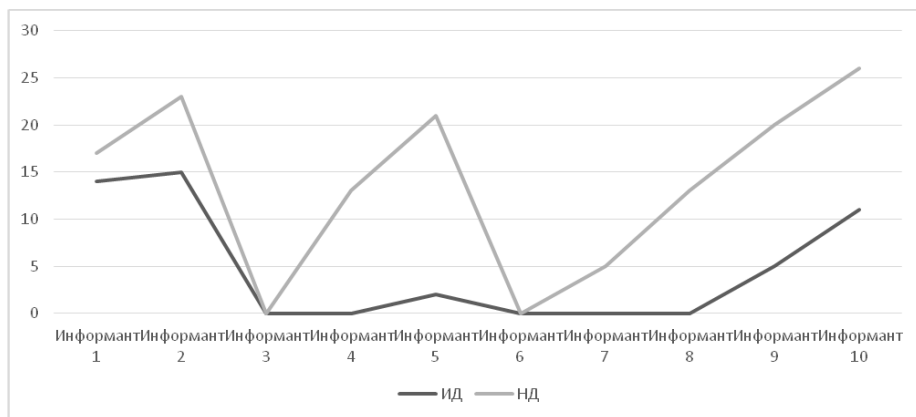
Применение двухвыборочного критерия Стьюдента показало, что пока выявленные различия статистически нерелевантны, поскольку полученное эмпирическое значение t находится в зоне незначимости.

2. Переменная «использование жестов и мимики»

Следующая переменная – количество жестов и мимических движений в ИД и НД. Исследование показало, что количество жестов и мимических движений у всех участников в НД либо возрастало, либо оставалось прежним, но никогда не становилось меньше. Случаев сокращения использования жестов не было выявлено ни у девушек, ни у юношей.

Диаграмма 1

Количество жестов и мимических движений в группе информантов-юношей в ИД и НД

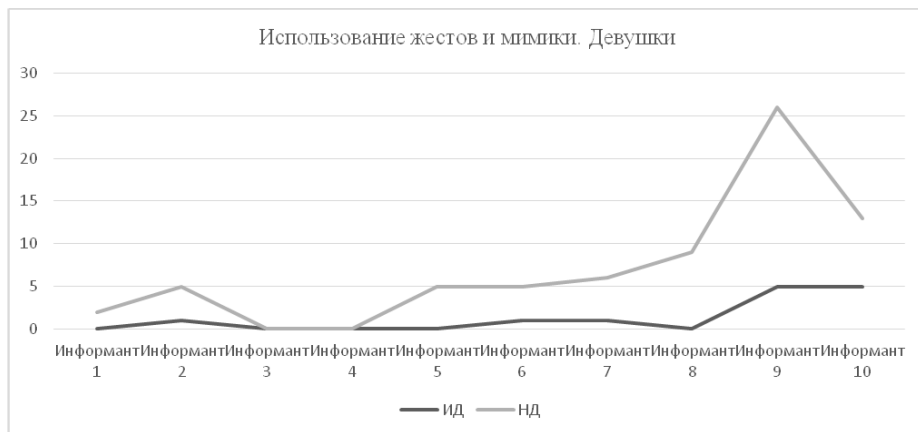
В группе информантов-юношей (диаграмма 1) у участников № 3, № 6 количество использованных жестов и мимических движений не изменилось, у остальных участников их количество существенно возросло.

В группе информантов-девушек заметна та же тенденция к росту числа жестов и мимических движений в случае НД (диаграмма 2). Исключение составили информантки № 3 и № 4, у которых не было отмечено жестов или явных мимических движений ни в ИД, ни в НД.

По критерию Стьюдента о статистической значимости отличий судить трудно – значение критерия у юношей равно 2.6, а у девушек – 2.3. Оба находятся в зоне неопределенности, где трудно сказать, значимы ли отличия между выборкой 1 и выборкой 2.

Значения же стандартного отклонения указывают на то, что в случае искреннего дискурса наблюдается меньшая вариативность данной переменной (5.92 у юношей и 4.27 – у девушек), чем в случае с неискренним дискурсом, где значение стандартного отклонения в 2 раза превышает ИД (8.9 у юношей и 7.91 – у девушек). Это означает, что в искреннем дискурсе использование жестов и мимики было стабильным и незначительно отличалось от информанта к информанту, а в неискреннем – наоборот: количество жестов и мимических движений у информантов значимо различалось.

Количество жестов и мимических движений в группе информантов-девушек в ИД и НД

Таким образом, можно сделать предварительное заключение о том, что в случае, когда информанты были неискренни, читая текст, содержащий заведомо ложную информацию, они больше жестикулировали и чаще совершали мимические движения.

3. Переменная «Ошибки в словах/ замена слов»

Рассмотрим переменную «Ошибки в словах / замена слов» (Таблицы 3, 4). Здесь наблюдалась либо полная замена слов в некоторых частях текста, либо в некоторых случаях был изменен порядок слов. Следовательно, можно предположить, что, произнося неискренний монолог, участники были более сконцентрированы на убедительности своей речи, чем на точном произнесении написанного текста. В неискреннем монологе информанты дольше смотрели в камеру, что также могло повлиять на то, что участники эксперимента больше отвлекались от написанного текста, импровизируя. Более того, в неискреннем дискурсе участники использовали больше интонационных акцентов на некоторых словах. Например, участник № 2 (табл. 3) в ИД не использовал каких бы то ни было акцентных выделений, а в НД – поставил два интонационных акцента; или участницы № 3 и № 8 (табл. 4) в ИД – ни одного акцентного выделения, а в НД – одно (№ 3) и 2 (№ 8).

Таблица 3

Ошибки в словах/ замена слов. Юноши.

(ИД – искренний дискурс, НД – неискренний дискурс)

Участники	ИД	НД
	Ошибки/ замены	Ошибки/ замены
№ 1	0	добавление слова “¿verdad?” (для уточнения), (вместо паузы в искреннем дискурсе) пропуск словосочетания “muy simpatica”
№ 2	0	Два интонационных акцента на словах: “mucho”, “un” (artículo). Изменение интонации (показывает манеру речи другого человека)
№ 3	0	0
№ 4	интонационный акцент на слове (yo)	“nuevo libro” заменено на “libro nuevo” замена слова “es” на “son” (ошибка)
№ 5	nuevo libro поменялось на libro nuevo	“noticias científicas” на “notas científicas” замена “un nuevo libro” на “un libro nuevo” упущение артикля “los” “biografías” заменено на “bibliografías”
№ 6	1 оговорка	0
№ 7	0	“muy” заменено на “bastante”
№ 8	0	0
№ 9	интонационный акцент на слове ¿verdad? запинка	интонационный акцент на слове “leo” “esta librería” заменено на “la librería” интонационный акцент на слове “mejores” интонационный акцент на слове “mejor”
№ 10	запинка запинка	замена слова “tengo” на “quedo” запинка

Таблица 4

Ошибки в словах/ замена слов. Девушки

(ИД – искренний дискурс, НД – неискренний дискурс)

Участники	ИД	НД
	Ошибки/ замены	Ошибки/ замены
№ 1	Ошибки/ замены	Ошибки/ замены
№ 2	0	0
№ 3	0	интонационный акцент на слове “yo” добавление слова “me”
№ 4	0	добавление артикля “los”
№ 5	0	0
№ 6	Заменено nuevo libro на libro nuevo	0
№ 7	0	добавление артикля “los”
№ 8	0	интонационный акцент на слове “mucho” интонационный акцент на слове “muy”, повторение этого слова 2 раза
№ 9	замена артикля el на un	замена «los libros de historia» на «los libros y también historia»
№ 10	оговорка	0

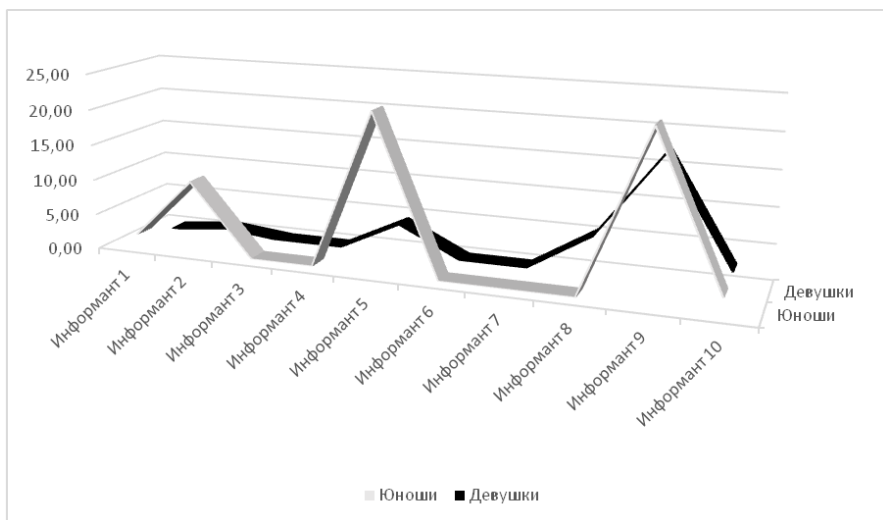
При этом также было замечено, что девушки по сравнению с юношами больше придерживались точности написанного текста (у девушек замена слов в НД составляет 5 случаев, а у юношей – 10). Наряду с этим в обеих группах информантов замена слов в ИД либо не встречалась вообще, либо была незначительной (у юношей: одно изменение порядка слов, остальное – запинки; у девушек: одно изменение порядка слов и одна замена слов (замена определенного артикля на неопределенный, а также небольшие запинки и оговорки)).

4. Переменная «длительность взгляда в камеру»

Следующий критерий анализа – «длительность взгляда в камеру», который также показывает явные различия в ИД и НД у девушек и юношей (Диаграмма 3). В обеих группах информантов длительность взгляда в камеру, которая в данной ситуации выступала субститутом собеседника, в НД по сравнению с ИД никогда не уменьшалась – она либо оставалась прежней, либо увеличивалась. На Диаграмме 3 показаны временные отрезки (в секундах), на которые *увеличивалась длительность взгляда в камеру* при прочтении заведомо ложного текста.

Диаграмма 3

Увеличение длительности взгляда в камеру в НД по сравнению с ИД (в сек.)

Исходя из данных диаграммы, у пяти участников-юношей длительность взгляда на собеседника не возросла, при этом у участников № 1, № 10 время увеличилось незначительно, а у участников № 2, № 5 и № 9 оно возросло значительно.

У девушек была отмечена та же тенденция к увеличению продолжительности взгляда в камеру, так как ни у одной участницы время не сократилось: у пяти из них время осталось прежним, у № 2, № 10 время изменилось в большую сторону незначительно, а у № 5, № 8, № 9 возросло критически.

Показатели стандартного отклонения в обеих группах информантов демонстрируют увеличение значений в НД по сравнению с ИД: у юношей – почти в два раза (11.45 по сравнению с 5.37), а у девушек – почти в 5 раз (6.1 на фоне 0.65). Это означает, что значения длительности взгляда в случае ИД практически однородны у всех информанток, а вот в НД отличия между информантами проявляются гораздо четче: продолжительность взгляда становится очень нестабильной.

Также при сравнении участников и участниц, можно заметить, что в случаях, когда время взгляда в камеру в НД увеличивалось, в целом, юноши смотрели в камеру дольше, чем девушки.

Обсуждение и выводы

Проведенный анализ подтвердил пока только слабую версию нашей гипотезы: если представить ряд предварительно выявленных при сравнении ИД и НД вербальных и невербальных маркеров неискренности в качестве переменных, то отличия в их значениях будет являться слабым доказательством наличия специфических проявлений неискренности в речи.

Пока мы ограничиваемся этой, слабой версией, поскольку применение t-критерия Стьюдента не показало статистически значимых отличий между значениями 4 переменных в двух выборках. Это могло быть связано, в частности, с недостаточным объемом выборки или с изъянами организации экспериментальной работы.

Однако применение другой статистической меры – стандартного отклонения – сделало очевидной общую тенденцию: при продуцировании «искренного» дискурса информанты в своем поведении демонстрировали мало отличий, а при продуцировании «неискренного» они меняли свое вербальное и невербальное поведение, но при этом каждый делал это по-разному. Так, например, у кого-то длительность паузирования или взгляда в камеру оставалась прежней, у кого-то – менялась незначительно, у кого-то – изменения были очень заметными.

По-видимому, продуцирование заведомо неискренного дискурса требует большего контроля сознания, что и влечет за собой большую вариативность поведения – чем более рутинным является действие, тем более оно автоматизировано.

Другая отмеченная тенденция – гендерная: поведение юношей в «неискренней» части эксперимента меняется по сравнению с «искренней» частью значительней, чем у девушек. Первые начинают активнее жестикулировать, изменять слова в читаемом тексте, дольше смотрят в камеру, которая в условиях эксперимента заменяет им собеседника. Возможно, это связано со спецификой гендерного распределения ролей в коммуникации, характерного для испанской лингвокультуры. Проверить эту догадку мы сможем, продолжив работу с представителями какой-либо другой лингвокультуры.

Что касается самих изученных переменных, то в целом самыми показательными оказались: «количество жестов и мимических движений», «длительность взгляда в камеру» и «ошибки/ замена слов» как у девушек, так и у парней, при этом по всем данным показателям у парней различия оказались более акцентированными, чем у девушек.

Представляется, что желание увеличить воздействующую силу дискурса в случае с «неискренней» частью эксперимента подталкивало информантов к большей экспрессивности речи, к визуальному контакту с собеседником. Стремлением к персуазивности можно также объяснить и лексические замены, и большее использование акцентного выделения ряда семантически значимых элементов экспериментального текста.

Таким образом, предварительно следует констатировать, что по результатам проведенного эксперимента к вербальным маркерам неискренности в рамках испанской лингвокультуры можно отнести варьирование порядка слов, вербальные парафазии, к паравербальным – частотность акцентных выделений, к невербальным – увеличение частотности жестов и мимических движений и длительности контактного прямого взгляда на собеседника.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Андрюхина, Н. В. Сценарии неискренного дискурса в англоязычных политических текстах / Н. В. Андрюхина, Т. Е. Водоватова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. – 2019. – № 1. – С. 40–46.

Варламова, О. Н. Вербальные и невербальные маркеры агрессии в общении матери с ребенком / О. Н. Варламова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2017. – № 1. – С. 78–81.

Горностаева, Ю. А. Опыт выявления вербальных маркеров психологических и когнитивных процессов в лингвистике: к истории вопроса / Ю. А. Горностаева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2018 а. – № 8 (86). – Ч. 1. С. 91–94.

Горностаева, Ю. А. Военная терминология как вербальный маркер манипуляции: опыт автоматического анализа текстов / Ю. А. Горностаева // Казанская наука. – 2018 б. – № 5. – С. 54–56.

Кибрик, А. А. Язык как он есть / А. А. Кибрик // Седьмая международная конференция по когнитивной науке: Тезисы докладов. Светлогорск, 20–24 июня 2016 г. / Отв. Ред. Ю. И. Александров, К. В. Анохин. – Москва: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. – С. 674–676.

Колмогорова, А. В. Прагматические функции коммуникативного лицедейства в российском политическом дискурсе / А. В. Колмогорова, М. Е. Шестаков // Политическая лингвистика. – № 1. – 2015. – С. 121–126.

Колмогорова, А. В. Типология и комбинаторика вербальных маркеров различных эмоциональных тональностей в Интернет-текстах на русском языке / А. В. Колмогорова, А. А. Калинин, А. В. Маликова // Вестник ТГУ. – 2019. – № 448. – С. 48–58.

Копнина, Г. А. Контрманипуляция в речевой коммуникации: некоторые перспективы изучения / Г. А. Копнина // Коммуникативные исследования. – 2018. – № 2 (16). – С. 7–19.

Косинова, Е. В. Лингвопрагматические особенности перевоплощённой языковой личности (на материале немецкого языка): дисс... канд. филол. наук / Е. В. Косинова. – Кемерово, 2013. – 185 с.

Маликова, А. В. Типы вербальных и невербальных маркеров эмоций для сентимент-анализа интернет-текстов. – [Электронный ресурс]: магистерская диссертация: 45.04.02 / А. В. Маликова. – Красноярск: СФУ, 2019. – URL: <http://elib.sfu-kras.ru/handle/2311/112458> (15.03.2020).

Машанло, Т. Е. Лонгитюдное исследование процесса адаптации носителей русского языка к чтению на языке с логографической системой: дис. ... канд. филол. наук / Т. Е. Машанло. – Кемерово, 2019. – 192 с.

Плотникова, С. Н. Неискренний дискурс / С. Н. Плотникова. – Иркутск: ИГЛУ, 2000. – 244 с.

Руженцева, Н. Б. Манипулятивный компонент и предпосылочное знание в политическом интервью / Н. Б. Руженцева // Политическая лингвистика. – 2016. – № 1 (55). – С. 26–34.

Рыко, А. И. Многоуровневая лингвистическая разметка звукового корпуса русского языка / А. И. Рыко, С. Б. Степанова // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. – 2008. – № 7 (14). – С. 460–465.

Чистова, Е. В. Interactivity of simultaneous interpreters as actors of a cognitive event / Е. В. Чистова // Журнал Сибирского федерального университета. Серия Гуманитарные науки. – 2020. – № 3. – С. 375–384.

Cramer, H. Mathematical Methods of Statistics / H. Cramer. – Princeton Univ. Press, New Jersey, 1958. – 575 p.

Kibrik, A. F. An empirical study of multichannel communication: Russian pearls and stories / A. F. Kibrik, O. V. Fedorova // Psychology. Journal of the Higher School of Economics. – 2018. – Vol. 15. – N 2. – P. 191–200.

Kolmogorova, A. V. Mapping Texts to Multidimensional Emotional Space: Challenges for Dataset Acquisition in Sentiment Analysis / A. V. Kolmogorova, A. A. Kalinin, A. V. Malikova // Digital Transformation and Global Society. DTGS 2018. Communications in Computer and Information Science. – 2018. – Vol. 859. – P. 361–367.

REFERENCES:

Andryuhina, N. V. Scenarii neiskrennego diskursa v angloyazychnyh politicheskikh tekstah / N. V. Andryuhina, T. E. Vodovatova // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika. – 2019. – № 1. – S. 40–46.

Chistova, E. V. Interactivity of simultaneous interpreters as actors of a cognitive event / E. V. Chistova // Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki. – 2020. – № 3. – S. 375–384.

Cramer, H. Mathematical Methods of Statistics / H. Cramer. – Princeton Univ. Press, New Jersey, 1958. – 575 p.

Gornostaeva, Y. A. Opyt vyavleniya verbal'nykh markerov psihologicheskikh i kognitivnykh processov v lingvistike: k istorii voprosa / Y. A. Gornostaeva // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov: Gramota. – 2018 a. – № 8 (86). – Part 1. – S. 91–94.

Gornostaeva, Y. A. Voennaya terminologiya kak verbal'nyj marker manipuljatsii: opyt avtomaticheskogo analiza tekstov / Y. A. Gornostaeva // Kazanskaya nauka. – 2018 b. – № 5. – S. 54–56.

Kibrik, A. A. Yazyk kak on est' / A. A. Kibrik // Sed'maya mezhdunarodnaya konferentsiya po kognitivnoy nauke: Tezisy dokladov. Svetlogorsk, 20–24 iyunya 2016 g./ Otv. Red. Yu. I. Aleksandrov, K. V. Anokhin. – Moskva: Izd-vo «Institut psikhologii RAN», 2016. – S. 674–676.

Kolmogorova, A. V. Pragmaticheskie funktsii kommunikativnogo litsedeystva v rossiyskom politicheskom diskurse / A. V. Kolmogorova, M. E. Shestakov // Politicheskaya lingvistika. – № 1. – 2015. – S. 121–126.

Kolmogorova, A. V. Tipologiya i kombinatorika verbal'nykh markerov razlichnykh emotsional'nykh tonal'nostey v Internet-tekstakh na russkom yazyke / A. V. Kolmogorova, A. A. Kalinin, A. V. Malikova // Vestnik TGU. – 2019. – № 448. – S. 48–58.

Kopnina, G. A. Kontromanipulyatsiya v rechevoy kommunikatsii: nekotorye perspektivy izucheniya / G. A. Kopnina // Kommunikativnye issledovaniya. – 2018. – № 2 (16). – S. 7–19.

Kosinova, E. V. Lingvopragmaticheskie osobennosti perevoploshchennoy yazykovoy lichnosti (na materiale nemetskogo yazyka): diss...kand.filol.nauk / E. V. Kosinova. – Kemerovo, 2013. – 185 s.

Malikova, A. V. Tipy verbal'nyh i neverbal'nyh markerov emocij dlya sentiment-analiza internet-tekstov [Elektronnyj resurs]: masterskaya dissertatsiya: 45.04.02 / A. V. Malikova. – Krasnoyarsk: SFU, 2019. – URL: <http://elibr.sfu-kras.ru/handle/2311/112458> (15.03.2020).

Mashanlo, T. E. Longityudnoe issledovanie processa adaptatsii nositelej russkogo yazyka k chteniyu na yazyke s logograficheskoy sistemoy: diss...kand.filol.nauk / N. E. Mashanlo. – Kemerovo, 2019. – 192 s.

Plotnikova, S. N. Neiskrennij diskurs / S. N. Plotnikova. – Irkutsk: IGLU, 2000. – 244 s.

Ruzhentseva, N. B. Manipulyativnyy komponent i predposylochnoe znanie v politicheskom interv'yuu / N. B. Ruzhentseva // Politicheskaya lingvistika. – 2016. – № 1 (55). – S. 26–34.

Ryko, A. I. Mnogourovnevaya lingvisticheskaya razmetka zvukovogo korpusa russkogo yazyka / A. I. Ryko, S. B. Stepanova // Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. – 2008. – № 7 (14). – S. 460–465.

Varlamova, O. N. Verbal'nye i neverbal'nye markery agressii v obshchenii materi s rebenkom / O. N. Varlamova // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. – 2017. – № 1. – S. 78–81.

Kibrik, A. F. An empirical study of multichannel communication: Russian pear chta and stories / A. F. Kibrik, O. V. Fedorova // Psychology. Journal of the Higher School of Economics. – 2018. – Vol. 15. – N 2. – P. 191–200.

Kolmogorova, A. V. Mapping Texts to Multidimensional Emotional Space: Challenges for Dataset Acquisition in Sentiment Analysis / A. V. Kolmogorova, A. A. Kalinin, A. V. Malikova // Digital Transformation and Global Society. DTGS 2018. Communications in Computer and Information Science. – 2018. – Vol. 859. – P. 361–367.